

Антонина Мартыненко. «Опыт Русской Анфологии» М. Яковлева в литературном контексте 1820-х годов	115
Алексей Балакин. Из разысканий о литературном окружении молодого Гончарова: поэт Яков Щеткин	130
Анастасия Басенко. Н. А. Полевой – водевилист	154
Ирина Шевцова. Герой Жорж Санд в формировании религиозного умонастроения А. А. Григорьева	163
Марсель Хамитов. Фельетонный извод античного жанра: рассказ Ф. М. Достоевского «Бобок»	169
Дарья Сапрыкина. Об одном упоминании «Лунной» сонаты Л. ван Бетховена в рассказе А. П. Платонова «Невозможное»	181
Владимир Емельянов. Вавилонская социалистическая революция (обисточниках пьесы А. Г. Глебова «Загмук»)	190
Виктория Буяновская. «Осмысленный абсурд» в стихотворении В. Ф. Ходасевича «Окна водвор»	207
Ани Петрс. Признаки фикциональности в литературной мистификации (на примере «Велесовой книги»)	221

Тираж 500 экз.

2016 XII (2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2016 (2)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Веницкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2307-5945 = Letná škola

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

Информация об авторах

Антонина Мартыненко, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. antonina.martynenko1995@gmail.com

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. balakin@inbox.ru

Анастасия Басенко, аспирант Ивановского государственного университета, Иваново, Россия. anastasiabasenko@mail.ru

Ирина Шевцова, аспирант Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия. shevtsovai1991@mail.ru

Марсель Хамитов, студент национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. marselblabla@mail.ru

Дарья Сапрыкина, студентка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. dash.saprykina2010@yandex.ru

Владимир Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. banshur69@gmail.com

Виктория Буяновская, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. vbuyanovskaya@gmail.com

Ани Петрс, аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. alexany@mail.ru

АНИ ПЕТРС
(Санкт-Петербург)

ПРИЗНАКИ ФИКЦИОНАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ МИСТИФИКАЦИИ (на примере «Велесовой книги»)

В статье рассматривается возможность применения теории фикциональности при анализе литературных мистификаций. Разводятся понятия собственно литературной мистификации и квазимистификации. Предпринимается попытка определить место и роль мистификации как фикционального текста в литературе и культуре на примере «Велесовой книги».

Ключевые слова: «Велесова книга», литературная мистификация, квазимистификация, фикциональность художественного текста.

The article deals with possibility of the theory of fictionality in the analysis of literary mystifications. Concepts of literary mystification and quasimistification get divorced. An attempt is made to define a place and a role of mystification as the fictional text in literature and culture on the example of «Veles book».

Key words: «Veles book», literary mystification, quasimistification, fictionality of the art text.

Любой литературный текст, и в частности литературная мистификация, представляет собой синтез, взаимодействие «фикционального» и «фактуального».¹ Одна из задач нашего исследования — выявить и объяснить механизмы, с помощью которых литературная мистификация, как фикциональный жанр, при всей своей вымышленности создает у читателя иллюзию правдоподобия.

Говоря о признаках фикциональности в литературной мистификации, о самом факте их наличия и степени реализации в тексте, прежде всего стоит определить, какие именно «сообщения от имени фиктивного автора»² при данном

¹ См.: Женетт Ж. Фикциональное и фактуальное повествование: Fictio narrationis, facti narration // Женетт Ж. Фигуры. М., 1998. Т. 2. С. 385–407.

² Попова И. Л. Литературная мистификация в историко-функциональном аспекте: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992. С. 1.

аспекте изучения нами учитываются и насколько сам термин «литературная мистификация» применим к анализируемому нами тексту («Велесова книга»).

Во-первых, необходимо указать на то, что рассмотрение литературной мистификации с точки зрения фикциональности не применимо к стихотворным текстам в силу их специфики. Фикциональность является «одним из основных признаков *повествовательного* художественного текста (курсив мой. — А. П.)»,¹ однако художественность не является свойством фикциональных текстов априори, так как она «кондициональна»,² зависит от индивидуальной и подвижной оценки реципиента, вымысел же «конститутивен» — «обеспечивается совокупностью авторских намерений, жанровых условностей и всевозможных культурных традиций».³ Когда мы имеем дело со стихотворным текстом, он всегда будет изначально считаться литературным произведением, независимо от своей реальной художественной ценности. Повествовательный же текст будет считаться литературным только при наличии определенных признаков, таких как форма, жанр, фиктивность и т. п. Статус литературности стихотворному тексту реципиентом дается еще до его прочтения, вне зависимости от того, как произведение будет оценено постфактум; тогда как для того, чтобы отнести повествовательный текст к литературному необходимо указание жанра на титульной странице как минимум.

Таким образом, рассмотрение литературной мистификации с точки зрения ее фикциональности представляется нам возможным (на данном этапе изучения) только в рамках мистификаций прозаических, повествовательных текстов, исключая тем самым из исследуемого круга такие произведения, как «Стихи Нелли» В. Брюсова, поэмы Р. Чатертона, «Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона, сборник песен «La Guzla» П. Мериме, «Краледворскую рукопись» В. Ганки и т. д.

Во-вторых, среди прозаических литературных мистификаций, таких как рассказы Мархена, трагедия Хиркенса,

¹ Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 22.

² Женетт Ж. Фигуры. Т. 2. С. 342.

³ Там же.

роман Гевары, История Финикии Вагенфальда, рукописи Шейниса, «Протоколы сионских мудрецов», Дарственная Константина (*Constitutum Constantini*), «Дневники А. Гитлера» К. Куяу и т. д., следует различать собственно мистификации (вслед за мистификациями текстов стихотворных) и «квазимистификации».¹ Принципиальное отличие мистификации от квазимистификации в том, что первая «существует в границах литературы»,² вторая же представляет собой подделки документов, носящих исторический характер, содержащих в себе сведения о событиях и героях, реально имевших место быть в действительности. Квазимистификации функционируют за пределами литературы, расширяют и искажают фактическую действительность; в связи с этим квазимистификации сильнее подвержены риску скорого разоблачения, так как достоверность подобных текстов может быть документально проверена и доказана или опровергнута.

Литературная мистификация как вымышленное произведение, «неизбежно воспринимается»³ как текст, наделенный эстетической ценностью. Однако необходимо учитывать, что эстетическое не является каким-либо объективным действительным свойством произведения, не имеет связи с ним и его составляющими. Для того, чтобы текст вызывал у читателя эстетическую реакцию, необходимо организовать повествование таким образом, чтобы оно не было носителем лишь фактической информации, чтобы содержательной стала сама манера повествования, язык и стиль произведения. Степень художественной ценности в таком случае будет определяться рядом таких факторов, как определенные установки и требования общества, условия, при которых текст появился, функции, которые он выполняет в данной культуре, место среди других текстов, а также индивидуальные предпочтения читательской аудитории.⁴ Фикциональность, как говорилось выше, не является маркером художественности

¹ Попова И. Л. Литературная мистификация в историко-функциональном аспекте. С. 12.

² Там же.

³ Женетт Ж. Фигуры. Т. 2. С. 344.

⁴ Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004. С. 17–19.

текста, его истинности или ложности; организация текста производится (намеренно или нет) по конструкции «как если бы»,¹ либо сочетает в себе и истинность, и ложность одновременно.²

Ж. Женетт, вслед за Дж. Стерлем, указывает на отсутствие «чистых» признаков фикциональности: «„Не существует таких особых текстуальных, синтаксических или семантических (а следовательно, и нарратологических) свойств, какие позволяли бы идентифицировать данный текст как вымышленное произведение“, ибо фикциональное повествование — это просто притворство или чистая симуляция повествования фактуального».³ Он рассматривает соотношение фикционального и фактуального в тексте в пяти аспектах (порядок, темп, повторяемость, модальность, залог, заимствования и взаимный обмен). Это соотношение правды и вымысла сильно варьируется, и тем не менее Женетт не дает определенного набора признаков, на основе которых можно было бы однозначно отделить тексты фикциональные от фактуальных (или хотя бы от не-фикциональных). Отсюда, с одной стороны, нам представляется важным предоставить не какой-либо универсальный, полный список признаков фикциональности для идентификации фиктивных миров и персонажей в тексте, а реализацию тех или иных признаков в каждом конкретном случае. С другой стороны, при разведении текстов фикциональных и фактуальных, следует учитывать цели создания и функции этого текста в культуре (и их возможное изменение), брать во внимание ту сферу культуры (в широком смысле), для которой тот или иной текст был предназначен изначально или на которую был переориентирован впоследствии.

В литературной мистификации как вымышленном произведении фиктивными являются без исключения все «тематические компоненты»⁴ повествования — персонажи, места действия, время, события, мысли, речи, авторские ре-

¹ Изер В. Вымыслообразующие акты. Молчаливые допущения относительно вымысла и реальности // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 32.

² Женетт Ж. Фигуры. Т. 2. С. 351.

³ Там же. Т. 2. С. 387.

⁴ Шмид В. Нарратология. С. 33.

марки, комментарии и т. д. Иными словами, каких-либо особых маркеров фикциональности, с помощью которых можно было бы идентифицировать текст как мистификацию, отличных от признаков, применяемых при анализе других литературных текстов, не существует. В данном случае большую роль играют субтексты, обрамление мистификации, то, как она преподносится аудитории. В структурной организации литературной мистификации маркеры фикциональности второго плана, такие как архитектоника произведения, графическая организация текста, пространство произведения, размеры, материал, цвет, издательство и т. д., приобретают максимальное значение, становясь своего рода кодом по отношению к самому тексту мистификации, на который перемещается центр внимания аудитории.¹ Кроме этого, в литературной мистификации присутствуют структуры, «рассчитанные на актуализацию читателем»,² на максимальную работу читателя при построении художественной правды литературной мистификации. Таким образом, текст литературной мистификации представляет собой многоуровневый, «разыгранный»³ дискурс.

Далее рассмотрим подробно взаимодействие фикционального и фактуального, а также субтекстов литературной мистификации на примере «Велесовой книги».

«Велесовой (или «Влесовой») книгой» называется не дошедший до наших дней памятник, будто бы написанный на нескольких десятках деревянных дощечек, текст которых был впоследствии переписан писателем Ю. П. Миролюбовым. В произведении, которое было якобы написано новгородскими волхвами в IX веке, представлена альтернативная история возникновения русского народа и государственности. Все сведения об истории обретения текста и его дальнейшей судьбе вплоть до момента публикации в 1953 году основаны на рассказах Ю. П. Миролюбова, наиболее подробно изложенных в книге С. Лесного «„Влесова книга“ —

¹ *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 159.

² *Шёнле А.* Теории фикциональности: критический обзор // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 42.

³ Там же. С. 48.

языческая летопись доолеговской Руси».¹ Тем не менее ни одного достоверного факта, подтверждающего существования дощечек до сегодняшнего дня нет. Снимок одной из дощечек, присланный в 1960 году С. Лесным в Советский славянский комитет, проанализировала по поручению академика В. В. Виноградова палеограф и языковед Л. П. Жуковская. Несмотря на то, что в её распоряжении было всего 10 строчек читаемого материала, Л. П. Жуковская в своей статье того же года однозначно говорит о том, что «рассматриваемый материал не является подлинным».² Более того, лингвист ставит под сомнение сам факт того, что на снимке — дощечки; по мнению Л. П. Жуковской, фотография сделана с рисунка. Однако интерес к данному произведению не угасает до сегодняшнего дня. Нас «Велесова книга» интересует, в первую очередь, с литературоведческой точки зрения, без учета языковых особенностей произведения.

Со структурной точки зрения текст «Велесовой книги» можно разделить на две большие части: стихотворный зачин и повествовательная основная часть. Прославление великого Триглава, представленное в стихотворной записи, является собственно мистификацией, учитывая принятую нами выше классификацию. Несмотря на то, что представленные данные в тексте гимна не соответствуют действительности и могут быть научно опровергнуты (список славянских богов, например), тем не менее данный раздел произведения будет восприниматься реципиентами как литературный. Следовательно, методика определения признаков фикциональности на этом участке текста не работает. Основная часть, повествующая о том, откуда пошла земля русская, кто первым на ней правил и с кем воевал (оговоримся, что этот раздел произведения менее информативен, чем может показаться из описания книги) является квазимистификацией и претендует не только на эстетическую, но и научную ценность, значимость. В данном случае важна жанровая ориентация

¹ Лесной С. «Велесова книга» — языческая летопись доолеговской Руси. (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966.

² Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись. (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 38.

«Велесовой книги» на летопись «Повесть временных лет» как, в первую очередь, исторически и политически знаковый текст; на «Слово о полку Игореве» как текст, обладающий большой общепризнанной художественной ценностью со сложной историей открытия и спорами о подлинности. Жанр представляется нам еще одним возможным признаком фикциональности, так как является одним из определяющих критериев восприятия произведения реципиентом как принадлежащего к той или иной категории, и следовательно задает определенное отношение к произведению и представленной в нем информации: «Выработанные модели текста существенно помогают вычленению главного, основного от сопутствующего, второстепенного».¹

При анализе «Велесовой книги» большой интерес представляет не столько само произведение, сколько то, как оно преподносится читательской аудитории и какие производные от себя тексты образует. Большую роль играют маркеры фикциональности второго плана: контекстуальные сигналы (сопровождающие тексты, заглавия, подзаголовки, предисловия) и метафикциональные сигналы (комментарии, история возникновения), так как «все элементы любой художественной структуры неизбежно содержательны».²

Так, А. Асов не только подготовил комментарии к «Велесовой книге», которые стали ее неотъемлемой частью, но попутно периодически издавал «Велесову книгу» с рядом своих сочинений, таких как, например, «Славяно-русские Веды», «Руны славян» и др.³ В 1994–1995 годах вышли подготовленные А. Асовым издания «Велесовой книги», в которых рецензентами книги были слависты И. В. Левочкин, Ю. К. Бегунов, и Р. Мароевич, «что должно было придать статус научного издания».⁴ В 1993 году, академиком

¹ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2006. С. 34.

² Герчук Ю. Я. Художественная структура книги. М., 2014. С. 10.

³ Асов А. И. 1) Руны славян и «Боянов гимн». М., 2005; 2) Русские Веды: Песни птицы Гамаюн, Велесова книга. М., 1992; 3) Славяно-Русские Веды. Книга Велеса. М., 2001.

⁴ Творогов О. В. К спорам о «Велесовой книге» // Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб., 2004. С. 9.

Ю. К. Бегуновым была написана небольшая заметка, предвосхищающая текст «Велесовой книги» в очередном издании¹ (над заголовком которого стоит имя писателя Б. Кресеня (псевдоним А. Асова)). Статья Ю. К. Бегунова, повествующая об «обретении» «Велесовой книги» и увещающая читателей в подлинности и огромной значимости рецензируемого им памятника, не соответствует академическим нормам научной публикации, Ю. К. Бегунов пересказывает беседы Ю. П. Миролюбова и С. Лесного; подобно очевидцу, приводит разговор Ю. П. Миролюбова с Ф. Изенбеком, выдавая их за реально произошедшие; автор активно пользуется конструкциями прошедшего времени в настоящем при описании мыслей и разговоров собеседников, свидетелем которых он не был и быть не мог. В указанном издании, помимо собственно текста «Велесовой книги», рецензии Ю. К. Бегунова и комментариев А. Асова, публикуется также работа известного ученого, академика Б. А. Рыбакова, главы «Рождение богов и богинь» из книги «Язычество древних славян», что, в свою очередь, должно было создать у читателя дополнительное впечатление научности, достоверности публикуемого материала.

Таким образом, можно видеть, как за счет субтекстов и маркеров фикциональности второго плана создается и поддерживается статус художественной правды произведения. С одной стороны, комментарии А. Асова и работы авторитетных ученых, печатающиеся в соседстве с «Велесовой книгой», направлены на поддержание иллюзии достоверности, чтобы фикциональный текст со своими фиктивными героями и событиями воспринимался как реальный. С другой стороны, наличие стихотворного гимна-зачина и имя Б. Кресеня, стоящее в заглавии произведения, стилизованные под старину шрифты и обложка «гарантируют» читателям художественность текста, изначально ориентируют на восприятие произведения как наделенного большой эстетической ценностью.

Членение категорий текста на содержательные и формально-структурные² в отношении литературной мистифи-

¹ Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов, 1993.

² Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. С. 5.

кации представляется наиболее актуальным. В литературной мистификации и квазимистификации все маркеры и сигналы фикциональности, поддерживаемые интенцией автора-создателя мистификации и/или ее популяризатора, как внутритекстовые, так и контекстуальные, приобретают максимальную актуализацию. Все тематические единицы, входящие в фикциональный текст и ставшие тем самым фиктивными, не выносятся за границы произведения.¹ В мистификации и, более того, квазимистификации происходит вынесение за границы текста внутритекстовых элементов, т. е. составляющие фиктивной действительности проникают во внетекстовую реальность и могут бытовать без явной привязки к произведению: вымышленные факты, герои, события мыслятся читателем как реальные исторические. Однако в данном случае вынесение за литературные границы элементов текста не делает реальными ни их, ни ту среду, в которой они начинают функционировать. Действительность в таком случае также приобретает черты имагинарного: если в фикциональном тексте фиктивно все внутри текста, то в мистификации/квазимистификации — всё как внутри, так и вне текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Асов А. И. Руны славян и «Боянов гимн». М., 2005.
2. Асов А. И. Русские Веды: Песни птицы Гамаюн, Велесова книга. М., 1992.
3. Асов А. И. Славяно-Русские Веды. Книга Велеса. М., 2001.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2006.
5. Герчук Ю. Я. Художественная структура книги. М., 2014.
6. Женетт Ж. Фигуры. М., 1998. Т. 2.
7. Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов, 1993.
8. Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись. (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 31–38.
9. Изер В. Вымыслообразующие акты. Молчаливые допущения относительно вымысла и реальности // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 23–40.

¹ Шмид В. Нарратология. С. 31.

10. *Лесной С.* «Влесова книга» — языческая летопись доолеговской Руси. (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966.
11. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры.
12. *Попова И. Л.* Литературная мистификация в историко-функциональном аспекте. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
13. *Творогов О. В.* К спорам о «Велесовой книге» // Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб., 2004. С. 6–29.
14. *Шёнле А.* Теории фикциональности: критический обзор // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 41–53.
15. *Шмид В.* Нарратология. М., 2003.
16. *Фарино Е.* Введение в литературоведение. СПб., 2004.